

Се Гуаньцзюй стоял на месте, будто слова, которые он сдерживал в себе, наконец вырвались наружу, и он выпалил:

— Чжоу Цзюнь... Что сейчас с Чжоу Цзюнем? Ты можешь мне сказать?

Увидев, каков его отец, он понял: даже если он скажет Отцу Хэ, что его держит здесь взаперти Фэн Бэй, Отец Хэ ни за что не станет его выручать. Поэтому он даже не думал просить о помощи. Но он не мог бросить Чжоу Цзюня! Находясь здесь, он был полностью отрезан от любых вестей о Чжоу Цзюне и понятия не имел, что с ним стало после того дня, как их разлучили.

— Только об этом ты и хочешь спросить? — Лицо Фэн Бэя вмиг стало отвратительным. Он впился взглядом в лицо Се Гуаньцзюя. Этот человек всё это время пребывал в каком-то мертвенном оцепенении, но стоило только упомянуть «Чжоу Цзюня» — и в его потухших глазах впервые за долгое время появился проблеск живого чувства.

— ...Да. — Се Гуаньцзюй сжал губы. Он чувствовал на себе этот пронзительный взгляд, но решил не обращать на него внимания.

Хотя он боялся этого человека, который запер его здесь, — боялся до смерти. Но как бы то ни было, он должен был воспользоваться шансом и узнать, где Чжоу Цзюнь.

— Ты не знаешь? — Отец Хэ, всё ещё не пришедший в себя после предупреждения Фэн Бэя, понимал, что пока не настал последний рубеж и ни в коем случае нельзя идти на конфликт с Фэн Бэем. Он обернулся, внимательно оглядел своего сына и сказал: — Не так давно дела у компании его отца пошатнулись, её поглотили, да и он сам пропал уже несколько дней. Разве он не связывался с тобой?

— Пропал? — Се Гуаньцзюй побледнел, в панике взглянул на Фэн Бэя, в глазах мелькнули страх и гнев. Неужели всё из-за него?

А его рука всё ещё была крепко зажата в ладони Фэн Бэя.

Се Гуаньцзюй внезапно начал отчаянно вырываться. Его рука, снова серьёзно пострадавшая во время пожара, почти не имела сил. Но даже так он пытался высвободиться из хватки Фэн Бэя.

Но чем сильнее он боролся, тем крепче Фэн Бэй сжимал его руку. Даже когда ногти расцарапали кожу до крови, он всё равно держал мёртвой хваткой.

Как только Отец Хэ ушёл, Се Гуаньцзюй наконец не сдержался: на лице появилась злоба, голос дрожал от волнения:

— Чего ты вообще добиваешься?

Сначала его просто заперли здесь, как канарейку в клетке, без солнечного света, — ну и ладно.

Он всё равно потерял память, ничего не помнил, ему было всё равно. Но Фэн Бэй не только так поступил с ним, но ещё и нацелился на семью Чжоу Цзюня! Это подло!

— Чего я добиваюсь, ты разве не знаешь? — Фэн Бэй смотрел на Се Гуаньцзюя, видел его покрасневшие уголки глаз, и в собственной душе поднималась глухая боль. Он принёс креветочные пельмени, но тот даже не взглянул на них — словно в его глазах Фэн Бэй был совершенно чужим и к тому же неприятным чужаком.

— Я знаю только, что ты человек, который не гнушается никакими средствами. — Се Гуаньцзюй тяжело дышал от гнева. — Чжоу Цзюнь в чём провинился? Ты...

— Он тебе так дорог? А я тебе так противен? — перебил его Фэн Бэй, в голосе звенела злость, но в глубине глаз затаилась мучительная тьма. Он прижал Се Гуаньцзюя к стене, будто загоняя в безвыходное положение, чтобы тот видел только его: — Неужели ты совсем не помнишь, как сильно ты меня любил раньше?

— Но я уже тысячу раз говорил: я правда ничего не помню! — Се Гуаньцзюй схватился за голову, в ушах снова начался гул. Стоило попытаться вспомнить что-то, связанное с этим человеком, как все нервы начинали болеть до предела — словно тело рефлекторно заставляло его забыть.

В глазах Фэн Бэя мелькнула печаль, он тихо произнёс:

— Мы можем не торопиться, ты обязательно вспомнишь...

— Нет, я уже не смогу вспомнить. — Глаза Се Гуаньцзюя наполнились слезами, в голове вспыхивала острая боль. Он поднял взгляд на этого смутно знакомого человека и сказал: — Если бы это были хорошие воспоминания, я бы наверняка захотел их вспомнить. Но я правда не могу... Как только я заставляю себя думать о том, что связано с тобой, мозг начинает болеть...

— Ты не хочешь вспоминать. — Фэн Бэй с трудом выговорил эти слова, глаза покраснели. — Воспоминания обо мне причиняют тебе такую боль?

— Я знаю, что раньше между нами, возможно, что-то было... — Острая резь в голове почти сводила Се Гуаньцзюя с ума; он, не в силах себя контролировать, сполз по стене, бормоча: — Но сейчас я действительно тебя не помню, в моей голове пустота.

— Поэтому... — Он почти умолял этого человека дать ему передышку: — Поэтому прошу, остановись, не мучай меня...

— Это я тебя мучаю? — Фэн Бэй впился взглядом в Се Гуаньцзюя, глаза налились кровью. Он словно был пригвождён к месту, и в одно мгновение его пронзило чувство невыносимой боли.

Он хотел прикоснуться к этому человеку, но тот с отвращением оттолкнул его руку. Более того, в его сердце этот человек ставил Чжоу Цзюня выше него.

Раньше он так сильно любил его, смотрел таким влюблённым, жарким взглядом, а потом вдруг забрал всё это обратно. Сколько было любви — столько теперь равнодушия и даже ненависти.

Фэн Бэй даже начал сомневаться, не приснилось ли ему всё, будто этот человек когда-то его любил. Сон развеялся — и ничего не осталось, пустота. Иначе как этот человек мог так легко — взять и забыть, забыть подчистую? И вправду кошмар, в который он сам погрузился, всё глубже, а тот уже вышел из него.

— Ты больше не хочешь вспоминать ничто, что связано со мной? — Фэн Бэй всё ещё цеплялся за последнюю надежду; он присел на корточки, глядя на Се Гуаньцзюя, и в голосе его проскользнула дрожь, которой он сам не заметил: — Если бы ты знал, как глубоки были твои чувства ко мне раньше, ты бы захотел вспомнить... Сейчас ты не хочешь вспоминать только потому, что не помнишь.

Чем громче звучал его голос, тем сильнее болела голова Се Гуаньцзюя. Боль была такой, что потекли слёзы, и наконец, не в силах больше терпеть, он сильно оттолкнул Фэн Бэя, вбежал в спальню и с грохотом захлопнул дверь.

Фэн Бэй застыл на месте, как статуя. От звука захлопнувшейся двери его сердце рухнуло в пропасть.

Когда этот человек раньше хлопал перед ним дверью?

Он так долго любил его, в глазах при каждой встрече сквозила такая густая любовь, что она почти обретала плоть. Он коллекционировал записи его голоса, тайком читал книги с его полок. Ради него среди ночи вёз машину за десятки километров, чтобы купить его любимые лакомства. Но тогда Фэн Бэй пренебрегал им, осыпал его самыми ядовитыми, холодными, предвзятыми словами, разбил ему сердце.

Этот человек ради него, не задумываясь, бросился в огонь, не щадя своей жизни. Из-за него его правая рука больше не могла рисовать, но он ни разу не упрекнул Фэн Бэя.

А теперь этот человек больше не любит его, не помнит его и не хочет помнить и любить.

Он наконец получил наказание.

Он медленно поднялся, горько усмехнулся, опёрся о стену — и вдруг закружилась голова.

.....

Снаружи всё ещё лил проливной дождь. Фэн Бэй выехал на машине, в глазах сплелись боль и раскаяние, обернувшись пустотой. Скорость всё нарастала, словно он обезумел в поисках избавления. Наконец машина резко остановилась у здания компании.

Фэн Бэй промок насквозь, шатаясь, пошёл в кабинет.

Незадолго до этого он начал заново расследовать события того цунами много лет назад. Тогда он послал несколько человек, но они не нашли никаких улик и вернулись ни с чем. Фэн Бэй тогда не придавал этому значения. Но теперь он всё больше подозревал, что тех частных детективов, возможно, уже давно подкупил Хэ Жофэн.

Если так, многое становилось понятным.

Раньше он был предвзят к Хэ Гуанъюню и никогда не верил его словам, но теперь...

Фэн Бэй сидел один в огромном пустом кабинете; свет не горел, лишь время от времени вспышки молнии пробивались сквозь щели в шторах, освещая его фигуру, отчего она казалась бесконечно одинокой. Он перебирал новые собранные материалы, не пропуская ни одной детали.

Эту ночь он просидел в кабинете до самого утра.

Фэн Бэй смотрел на размытую запись камеры: в тот самый миг, когда цунами только началось, Хэ Гуанъюнь, который мог бы остаться невредимым в гостинице, вдруг — на лице тревога — без колебаний бросился к побережью. Он бежал прямо туда, где находился сам Фэн Бэй.

Казалось, эти материалы разбудили и его собственную память, погребённую под цунами. В голове замелькали утерянные фрагменты прошлого.

За секунду до этого на пляже было спокойно, а в следующую — налетела гигантская волна, с сокрушительной силой обрушилась на берег и дальше — на гостиницы и город. В одно мгновение здания и люди были закручены в огромный водоворот, чёрная вода поглотила всё вокруг.

Вокруг стояли крики, рёв, волны засасывали искажённые болью лица.

В чёрном море Хэ Гуанъюнь с трудом держался за плавучее бревно, из последних сил грёб к человеку, который дрейфовал вдалеке. Его руки были в крови, он, барахтаясь, зубами оторвал кусок ткани от воротника, кое-как перевязал себя, а затем поднял опухшие глаза, с трудом всмотрелся, оценивая расстояние до того человека.

Он замёрз, был голоден и напуган — боялся, что его проглотит какое-нибудь морское чудовище. Бормоча имя Фэн Бэя, он наконец подгрёб к нему и вытащил из воды на бревно.

Бревно не выдерживало двоих, начало тонуть, и ему пришлось отказаться от своей жизни, чтобы искать другую опору.

Он тащил того человека за собой, и так они дрейфовали в море несколько дней и ночей. Он боялся закрыть глаза. Еле-еле поймав спасательный круг какого-то утопленника, он не раздумывая надел его на того человека.

Когда он наконец доплыл до рыбацкой деревни, из глаз хлынули слёзы, пересохшие губы тут же потрескались и пошли кровью. Он не мог говорить и только с трудом указал рыбакам на того, кто был рядом, давая знак спасти Фэн Бэя первым.

Когда те подняли Фэн Бэя и положили на носилки, он наконец с облегчением закрыл глаза — словно выдохся и не мог больше бороться со сном. Но его тоже подняли и положили рядом с Фэн Бэем. Тогда он не удержался, повернул голову и долго смотрел на человека, которого любил больше десяти лет. Собрав последние силы, он украдкой приблизился и нежно поцеловал его в уголок глаза.

— Это был и правда он.

.....

Небо понемногу светлело, но гроза и молнии не утихали. Помощник, выспавшись, пришёл в компанию и застал Фэн Бэя сидящим неподвижно, уткнувшись головой в ладони — совершенно разбитого и жалкого. Шторы были плотно задёрнуты, свет снаружи не проникал, не освещал бледного лица Фэн Бэя.

Чем больше Фэн Бэй перебирал эти мелкие улики, тем затуманеннее становился взгляд, тем тяжелее давило на грудь — не продохнуть, все внутренности невыносимо ныли. Это правда был Хэ Гуанъюнь, спасший его. Выходит, всё, что он пытался рассказать, было правдой. Оказывается, он так долго оставался в неведении, перепутал человека — и всё из-за дурацких предрассудков.

Что должен был чувствовать Хэ Гуанъюнь, когда очнулся после цунами и обнаружил, что место рядом с ним уже занято Хэ Жофэном?

С какой безысходностью он смотрел, как Фэн Бэй не верит ему, ненавидит его и даже во время аварии первым спасает Хэ Жофэна? Когда он очнулся в операционной и услышал такие слова, не пожалел ли он, что вообще не погиб в той аварии? С какой глубокой любовью он снова и снова прощал его, бросался в огонь без колебаний, не думая о себе...

Есть ли на свете человек глупее его?

А когда он переживал всю эту боль — где был сам Фэн Бэй? Он никогда не знал...

И все его страдания и печали принёс ему именно Фэн Бэй.

Фэн Бэй подумал: не кошмар ли это? Или он заслужил каждую минуту этой пытки?

Этот человек сделал для него так много, а он перед ним всегда защищал Хэ Жофэна, всегда разбивал ему сердце.

И вот теперь он решил больше не помнить Фэн Бэя.

Былые сердечные порывы и любовь, прежняя боль и печаль — всё ушло. Отныне этот человек считает его чужим, и что бы он ни делал — всё безразлично, всё пусто.

Вот она, расплата.

В то же время в голове Се Гуаньцзюя раздался голос 502:

□Текущий уровень симпатии цели: 99. Степень душевной боли +20. Текущая степень душевной боли: 85.□

## 17. Русалка

Фэн Бэй не вернулся ни в ту ночь, ни на следующий день. Когда он узнал правду, его словно ударили по лицу, ссадины кровоточили — впервые в жизни он растерялся. Весь город заливал ливень. Фэн Бэй припарковался у жилого комплекса, смотрел на свет в окне квартиры — он то загорался, то гас — и в глазах его застыла боль.

Он не знал, что делать с этим человеком.

Когда он наконец узнал всю правду и обезумел от желания загладить вину, тот человек уже всё забыл напрочь. Он не помнил ни как спас его в цунами, ни как долгих десять лет любил и преследовал. Все эти чувства стёрлись из памяти, осталась лишь пустота.

Фэн Бэй отчаянно хотел рассказать ему о своих чувствах — но тот больше не стал бы слушать.

Потому что он узнал слишком поздно — настолько, что упустил момент.

Он наконец исполнил желание того человека — сильно полюбил его, но тот его уже не помнил. Он предлагал начать всё сначала, но тот не хотел начинать заново. Фэн Бэй ощутил странный страх:

А что, если такая безумная любовь, как у Хэ Гуаньюня, бывает лишь раз в жизни?

И он упустил этот единственный шанс — и второго не будет?

Он боялся до такой степени, что не решался даже подняться наверх.

Он безумно боялся потерять.

Теперь Фэн Бэй наконец мог понять ту безысходность, которую годами переживал Хэ Гуанъюнь, — бессонные ночи, бесплодные попытки закурить боль.

А тем временем в квартире остался один Се Гуаньцзюй. У него выдался редкий выходной, он лежал в кровати, играл в игры, смотрел сериалы и листал новости.

Се Гуаньцзюй: □Новости в этом мире такие скучные.□

502, с удовольствием глядя в планшет на любимую дораму, сказал: □Это потому, что ты прошёл слишком много миров и видел похожие новости, так что потерял свежесть восприятия.□

Се Гуаньцзюй: □Открой космический магазин.□

502: □(๐๐๐) Брат Се, ты чего задумал? В прошлый раз на зелье, блокирующее боль, ушло много очков.□

Се Гуаньцзюй: □Жадный, просто посмотреть нельзя?□

502: □== На самом деле у тебя уже 8000 очков, как только вынесут приговор Хэ Жофэну и Отец Хэ окончательно потеряет надежду — 10 000 очков будут у тебя в кармане.□

Се Гуаньцзюй не сдержал улыбку: □Звучит прекрасно.□

Он сосредоточился на том, чтобы порыскать по магазину в поисках покупок.

Однако спокойная жизнь длилась недолго — вскоре у Се Гуаньцзюя появилось новое задание.

В тот день он был дома один, а снаружи по-прежнему дежурили несколько охранников и ассистентов. Узнав правду о цунами, Фэн Бэй исчез, но прислал с помощником мобильный телефон, в котором был записан только его личный номер. Он будто надеялся, что Се Гуаньцзюй позвонит, но как тот мог позвонить?

Обязательно не стал!

Насколько плохо было на душе у Фэн Бэя — оставим пока.

В общем, получив телефон, Се Гуаньцзюй, хоть его свобода передвижения всё ещё была ограничена, мог звонить Матери Хэ. Возможно, Фэн Бэй специально дал ему такую возможность развеяться.

Когда наступило время обеда, помощник принёс изысканные блюда из пятизвёздочного отеля — любимые кушанья Хэ Гуанъюня. Неизвестно, откуда Фэн Бэй разузнал его вкусы.

Но, глядя на эти яства, человек в комнате не испытывал аппетита и с каждым днём худел. Он и без того перенёс аварию и пожар, здоровье было подорвано, требовался покой. А он почти не ел и не пил — как организм выдержит? Лицо становилось всё бледнее, руки почти обтянуло кожей, синие вены выступали всё отчётливее.

Помощник очень тревожился; видя, что Молодой господин Хэ и в этот раз почти ничего не съел, он не знал, стоит ли докладывать господину Фэну.

Кое-как проглотив два-три кусочка, Се Гуаньцзюй снова закрылся в спальне и с безучастным видом лёг на кровать. Его состояние напоминало полное отсутствие воли к жизни. Любому, кто на это смотрел, становилось жутко.

Тут зазвонил телефон. Незнакомый номер. Он с колебанием ответил.

Голос на том конце был незнакомым — мужчина средних лет, рядом слышались всхлипывания женщины.

— Это... это Сяюнь? — Мужчина говорил взволнованно, голос звучал измученно. — Я отец Чжоу Цзюня. Слышал, ты потерял память. Ещё помнишь меня?

Дыхание Се Гуаньцзюя участилось, он покосился на дверь и понизил голос:

— Я...

Он действительно не помнил, но догадывался, зачем эта пара позвонила именно сейчас.

Не дождавшись ответа, отец Чжоу, забыв о приличиях, с горечью выдохнул:

— Не знаю, что случилось, видно, наш Чжоу Цзюнь кого-то прогневал. Теперь всю нашу семью прижали... Это бы ещё ладно, но Чжоу Цзюнь почти полмесяца не выходит на связь — неизвестно, жив ли он...

Се Гуаньцзюй открыл рот, потом закрыл, и глаза его покраснели. Он знал: всё из-за него.



Отец Чжоу помедлил, словно оказавшись в безвыходном положении, и умоляющим тоном сказал:

— Сяюнь, вы с Чжоу Цзюнем столько лет друзья, лучшие друзья, он к тебе всегда... ладно, не буду об этом. Но дядя просит тебя: пожалуйста, помоги ему...

Не успел он договорить, как в дверь комнаты Се Гуаньцзюя тихо постучали. Раздался голос помощника:

— Молодой господин Хэ, господин Фэн сказал, что сегодня вечером придет ужинать, просил вас предупредить.

Се Гуаньцзюй быстро прикрыл трубку рукой, но собеседник, кажется, всё услышал и в панике повесил трубку.

Се Гуаньцзюй застыл на месте, чувствуя полную беспомощность. Глаза его покраснели, слёзы произвольно потекли по щекам.

<http://bllate.org/book/18587/1790317>